

ВЛАДИМИР ХАНАН

ИЗБРАННЫЕ
СТИХОТВОРЕНИЯ

Владимир Ханан

Избранные стихотворения

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42253836

Избранные стихотворения / Владимир Ханан: Э.РА, Летний сад; Тель-

Авив-Москва; 2019

ISBN 978-5-00039-274-4

Аннотация

Владимир Ханан – иерусалимский (до 1996 года ленинградский) поэт, представитель так называемого "Питерского андеграунда".

В данном томе помещены стихи, написанные за приблизительно пятьдесят лет литературной деятельности.

Содержание

Из книги «Однодневный гость»	5
Справка	5
Благослови, земля, свои стада!	6
«Вот так – хранителем ворот...»	9
Обухово	11
«Из дома в холодную осень...»	13
«Какая, Господи, чума...»	15
Два стихотворения памяти Мандельштама	16
«В том месте снов и тишины...»	19
Стихи городской реке	21
«Была запретная страна Литва...»	22
Вильнюсская элегия	23
«В чужих корнях ищи истоки...»	25
На смерть Цицерона	26
Стекает мозг в прибрежные пески	27
Втекает мозг в прибрежные пески	29
«Быка любившая матрона, браво!..»	30
Без названия	32
«У сплошной воды солёной на краю...»	35
Вот ходит – бродит длинноносый Гоголь	36
«Голубой ангел» Марка Шагала	38
“Здравствуйте, господин Гоген”	40
Это вспоминается	41

Белая ночь	43
Городские строфы	44
«Мой дом открыт для вас, монголы!..»	45
На смерть поэта	46
«Поджигатели ржаной соломы...»	48
Повесть	49
«При нахождении лица...»	51
«Мне вспомнились набоковские НЕТКИ...»	52
«Гуляя вечером по стенке вертикальной...»	53
Дурак	55
«Уговори меня забыть...»	57
«Ах, угличский лагерь пионерский!..»	59
Портрет	60
«У брони торжественного танка...»	62
«Проходящая дождь, по моим тротуарам прошла ты...»	64
«Яблоко осени желто-зеленой...»	66
Воспоминания в Териоках	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Владимир Ханан

Избранные стихотворения

Из книги «Однодневный гость»

Справка

Совпав случайно с сорок пятым годом,
И местностью вблизи Кавказских гор,
Я был рождён себе наперекор,
Тем самым подписавши договор
Цвести и петь в народе, и с народом.

Всем опытам предпочитаю свой.
Уж коль мы все обузу эту носим,
Кто вверх, кто вбок, кто книзу головой...
Я побожусь, что я, пока живой,
Хотя Костюшко, 98,
Не слишком прочный кров над головой.

Благослови, земля, свои стада!

...О жизнь моя, пристроенный гараж,
Казарменное блочное паскудство,
Где ненависть привычней чая с блюдца,
По той причине, что имеет стаж.

Благослови, Земля, свои стада:
Худых овец двадцатого столетья,
Мильонного по счёту коммунизма,
Машин, ТЭВэ, гриппозных новостроек,
Овец, из коих каждая паршива
По своему, и я меж них – втройне,
Чем и горжусь...

...О, вопреки всем бредням,
Душа не ложь, хоть ей подчинена,
Хотя моя железная страна
В обычные глухие времена
Не верит ни слезам, и ни обедням,
Ни даже телу собственному. В среднем,
Она скорей сурова, чем нежна.

Ах, зыбкий, лёгкий, призрачный рассвет,
Тот самый, что высвечивал героев,
Но в Купчино, в районе новостроек,
Его не видно...

Вседогуший Бог!

Бог турок и славян, и Вы, Конфуций,
Вы, Моисей и Вы, Исус Христос,

Творцы легенд, учений, конституций
И собственных судеб, взгляните: бос.

Да, бос и наг.

Да, бос, и наг, и злобен.

Без тени благодарности за ваш

Посильный вклад. Когда б не антураж,

Он был бы смерти медленной подобен!

Живу один, радетели, без вас!

...О, жизнь моя, когда б один лишь час
Я слышать мог Вселенной звон хрустальный,

Свободу пить, как воду из ручья,

Топтать траву, не спрашивая, чья,

Не чтить вождей, привычно гениальных,

Я б чтил тебя...

б

Я мог бы чтить тебя,

Когда бы здесь, в последнем этом Риме,

Знал не людей, а поле, речку, лес...

Когда Любовь спускается с небес,

То

Ненависть —

её земное имя.

«Вот так – хранителем ворот...»

Вот так – хранителем ворот,
От зимней матросни —
Не ко дворцу, наоборот,
Но к площади усни.
На зов, где вздыблен мотылёк,
И осенён в крестах,

И где ладонь под козырёк
Нам праздник приберёт.
Где неги под ногой торец
Покачивает плеть,
Пожатье плеч во весь дворец,
И синей школы медь.
Усни не враз, качни кивком,
Перемешай огни,
И валидол под языком
На память застегни.

Всё то, что плечи книзу гнёт,
Всё то, что вяжет рот,
Легко торец перевернёт,
И в память переверёт.
Не нашим перьям перешить
Уснувшей школы медь,
Но надо помнить, надо жить,

И надо петь уметь.

Лети на фоне кирпича,
Не знающий удил!
Ты много нефти накачал,
И желчью расцветил,
Чтоб я, у ворота ворот,
Терпя небес плевков,
Примерил множество гаррот,
Но горло уберёг.

Обухово

Обухово, на кладбищах твоих
Я буду ждать суда, покоя, мира.

Кресты и звёзды, точно души мёртвых,
Разделены дорожным полотном,
И в небе правит полукровка ворон.
Два гноя в нём текут, он сыт и пьян.
В чужих гробах лежит моя душа,
И сквозь гнилые доски прорастает.
Её глаза – кресты, берёзы, липы,
Простой цветок, и драгоценный мрамор.
Безмолвный или с надписью короткой
На клинописном языке иврит.

Два кладбища лежат в душе моей,
Уже не разделённые дорогой.
И нет уже «направо» и «налево»,
Не существует чисел, направлений,
А только почва... Почва и судьба.

Как просто жить на свете фаталистам,
Как в самом деле просто, Боже мой!
Сойти вот так однажды с электрички,
И, пристально взглянув по сторонам,
Вдруг осознать ... легко и беспощадно,

Что ничего другого не осталось,
Как только ждать суда, покоя, мира,
Обухово, на кладбищах твоих.

«Из дома в холодную осень...»

Из дома в холодную осень.
Я вышел в серьезности лет.
С тех пор меня улица носит,
Уронит, поднимет и спросит:
«А где твой, товарищ, билет?»
Насыплет железных конфет.

Холстом, одичавшим без рамки,
Под крышами бродят дома.
И сходят старухи с ума.
И в чреве беременной мамки
Готовится детям сума,
Закат с тополями, тюрьма.

Побед триумфальные арки
На густо настоящей лжи.
Грядущих эпох миражи.
Недавних времён перестарки
Церквей восковые огарки.
Ночных подворотен ножи.

Бежать бы от этих кошмаров,
От сердца, от правой руки...
Ночные бормочут звонки,
О страхах припомнивши старых...

Бессонная одурь бульваров,
Тоска да пивные ларьки.

«Какая, Господи, чума...»

Какая, Господи, чума
Ко мне нагрянула в июле,
Под привкус голода в кастрюле,
Чай и классиков тома.

Четыре бережных цветка,
Как выцветшие флаги поля,
И в небе памяти – без боли —
Печаль и горечь с молотка.

И, напирая на низы,
Который акт пошлейшей драмы,
Где смуглоты случайной дамы,
Как подновлённые азы.

А наслажденьем для ума
Игривый возглас: «С лёгким паром!»
И время тянется не даром,
Недаром, даром, задарма.

Два стихотворения памяти Мандельштама

1

Как Приамид среди ахеев
На все века и времена —
Душа зарытая, Психея
Поэта, бога, болтуна.

Певцам: скворец не по сезону,
Когда сезоном динамит.
Как испокон, как Рим Назону,
Россия мстит... Россия мстит

Певцам: могильными червями,
Зрачком ружейного ствола
В тридцать любом... Другие – сами
Из под замка, из под крыла,

Чтоб отыграть своё на нерве,
Играя на износ с листа,
Где жизнь – всего лишь дробь в резерве,
Да так и в смерти – без креста.

Могила – та же заграница,
Почти Троянская Коза.

И можно
смертью заразиться
Через убитые глаза.

2

В цветах по пояс утопая,
Чудную дудочку неся,
Проходит девочка слепая,
Неловко пальчиком грозя.

Идёт широкими дубами.
Ах вы, дубочки – деревья!
Идёт, кривляется губами,
Но отчего-то нежива.

Играла песенку недавно,
А нынче дудочки мертвей...
Осина, лиственница, Дафна,
Бог, человек, муравей.

Лесок – свирельная малинка
Да муравейник по весне.
Петляет узкая тропинка,
Рыдает девочка во сне.

И набухает над висками
Большого века духота,
Где в слове чувствуется камень,

Вот только девочка – не та.

Такой забывчивый палачик,
Услужливая невпопад,
На небо жалуется, плача,
А в небе ласточки летят.

И дудочка тростинкой вещей,
Летит по зреющим цветам
Туда, где кормят по часам,
И плачет камень, овдовевший,
С тех пор, как умер Манделыштам.

«В том месте снов и тишины...»

В том месте снов и тишины,
Где я болтался горстью чёток
В тени костёла, и в холодный
Любил смотреться монастырь,
И католическим старухам
Дарил копейки от души.
Грибами пахло и чужбиной.

Но приезжали в гости к нам
Высокие и свадебные гости,
И я летел за ними на коленях
По скользкому от близкой крови полу,
И непонятных звуков языка
Ловил стихи, и радовался жизни.

Как я был счастлив в этом октябре! —
В прозрачном холоде, над Неманом серьёзным,
И у хозяйки доброй на дворе,
Где яблоки росли, и ночью звёздной
Кричал петух, и жук звучал в коре.

Где звонкие я складывал дрова
Для пасти однотрубного органа
С окаменевшей глиною на швах,
Где у соседки древнее сопрано

Светлело, как лучина в головах.

Где я два дня Вергилия читал,
И пас быков, и птичье слушал пенье,
И узнавал счастливое уменье
Лесную тишину читать с листа.
Где я забыл, что значит пустота.

Где я обрёл и вынянчил терпенье
Для зоркости, для доли, для судьбы
Страдать и петь с тростинкой у губы,
Которой вкус труда и смерти равно впору,
Где я слова по-новому чертил,
А монастырь густел, венчая гору,
И серп луны меж избами всходил.

Стихи городской реке

Водопроводная вода
реки Фонтанки узкогрудой
Слепая лодочка – причуда,
зелёным крашены борта
Плыви туда, плыви сюда
Михайловского красной хордой
И Летним Садам возле горла украшена реки вода

А берег, как ни назови – уже два века просто Город,
Чья сущность – мгла в стенах собора
родного Храма на крови
Но это сбоку,
хоть и суть,
но побоку такие сути.
И независимым до жути виси у речки на носу
И в волнах пальцы омочив,
в цветах вчерашнего какао,
Увидишь частности состава
из пота
крови
и мочи

«Была запретная страна Литва...»

Была запретная страна Литва.
Там лебедь жил таинственный и белый,
И девушка за прялкой пела
Протяжные, как Нямунас, слова.

Куда, лесами синими маня,
Меня зовёшь в последний день недели?
Спешит гонец к подножью цитадели,
И плетью ветра с маху бьёт коня.

Моя подруга, разметавшись, спит.
Литовский ветер заплутал меж прядей.
Объятья сонны, и порыв обряден,
И обречённость в памяти таит.

И спит земля, как смуглая рука,
Что обнимает девушку за шею.
Туманясь и на запад хорошея,
Плывут над ней и любят облака.

И струны сосен теребя во сне.
Поёт Литва, и песней сон украшен...
Ей никакой запрет не страшен,
Как, видимо, он страшен только мне.

Вильнюсская элегия

В квартире полумрак, за окнами светлее.
Индийский, сорт второй, чем крепче, тем вкуснее.
Кот, старожил сих мест, не спит, и смотрит косо,
И гаснет папираса.

России нежный сын родства, увы, не вынес.
По горло ею сыт, куда поеду – в Вильнюс.
Не менее, чем те, люблю я камни эти,
И поджимают пети-мети.

Страна чужих людей, надежда и разлука
Здесь верная меня, конечно, ждет, подруга.
А в Ленинграде дождь, приятели – изгои,
И все такое.

Пусть более, чем мы, прочны, здоровы, сыты
Пребудут этих мест земля, трава, ракиты,
Костелы и цветы, поэзия и реки,
И человеки.

Мышиные права.
Живу как бы не живши.
Любимая права, остывши, позабывши,
И, вижу, надо
Другие мне искать места для променада.

Невнятная любовь, случайные беседы.
И местные меня к себе не ждут поэты.
И кажутся слова пустыми в самом деле,
И призрачными цели.

«В чужих корнях ищи истоки...»

В чужих корнях ищи истоки
Своих движений и словес.
Тебя питающие соки
Есть смешанный и поздний лес.

И пусть дано НЕ ПОМНИТЬ право.
Мы вечно памятью слабы.
Но слаще всех других отравы
Смешенья крови и судьбы.

На ней настояно вино
Уже прочитанных столетий,
И скорь старинную соседей
Мне видеть с нежностью дано.

Тоска безмерного пространства
Не отуманит головы.
Мне любо чуткое славянство
Поляков, чехов и Литвы.

На смерть Цицерона

Марк Туллий! Корень зла – сей воздух ядовит,
но речь идет о том, что Рим гниет,
Марк Туллий.

Равно заражены сенаторы, сады,
и бабы жирные, и греки
гувернеры,
и в доме Януса воинственный, привычный сквозняк...
Клянусь Судьбой – прискорбный вид, Марк Туллий!

Стекает мозг в прибрежные пески

Невыразимо сух прибой сыр овечий...
Что в Городе тебе? – Бродяги, кабаки,
изысканных матрон любовники
быки,
да к небу кулаки – азы плебейской речи.

Что в Городе тебе?
Замкни губастый рот:
Дежурный триумвир охвачен честной жаждой —
Он Фульвии своей преподнесет однажды
Твой череп.
Sic transit...
Конвойный, грубый скот,
Вольноотпущенник – он карьерист, мерзавец!
Три довода мечом неотразимы. В том
Порукой Фульвия. И опустевший дом,
И македонский брег.
Но неужели зависть
В ораторе такой мог вызвать аргумент
Испанский острый меч?

Как воздух густо бел!
Твой гордый Рим гниет, как старый сифилитик.
Ты недорассчитал, блистательный политик.
Недоучел, писатель, проглядел.

Втекает мозг в прибрежные пески

Густеет немота сенаторской конюшни.
Наглеют всадники. В провинциях разврат.
Дежурный триумвир томится жаждой власти,
И он не пощадит
несчастный мой язык, проколотый иглой, нет шпилькой
злойной бабы, и правая рука, прибитая к трибуне на
площади.

ТАК

Я, Марк Тулий Цицерон,
Сим объявил в веках смерть

Города

героя:

Республика Меча рождает Трон,
Могилу собственную роя.

СТРАХ СЛУШАЕТ СЕБЯ И ГЛУШИТ ПЛЕСК РЕКИ
ВО ТЬМУ НАБУХШУЮ РАСПАХНУТОЙ АОРТЫ
НО ВЫСЫХАЕТ МОЗГ И С НЕБА ЗВУКИ СТЁРТЫ
И ВЕЧНОСТЬ СОННАЯ ЛОЖИТСЯ НА ПЕСКИ

«Быка любившая матрона, браво!..»

«Природа тот же Рим...»

О.Э.М.

Быка любившая матрона, браво!
За бабью статью твою и дышащую справно
Тугую плоть – я, грезящий во тьме
Своих времён – отгачиваю жало,
И Рима обмелевшая держава,
Как некий пласт, раскинулась в уме.

Мужчина – мини-бык. Но бык-то уж навряд ли
Мужчина. (Это ведь не важно, что рога
Есть украшеньё общее...). Строга
Наука логика, хотя не дорога,
Лишь были б внутренние органы в порядке.
А встречи, надо думать, были сладки.

И ты, тунику лёгкую задрав
До крепкой белой шеи и склонившись,
Была по своему права, с природой слившись,
И бык – природа был не меньше прав.

И семенем накачанная туго,
Патрицианочка, бычачьих чресл супруга,
Глотай бодрящую горячую струю,

Покуда для тебя не вылепили друга,
Что душу даст тебе и выжжет плоть твою.

Покуда нежный зверь, собой объявши древо,
И свесившись с ветвей, не скажет: «Где ты, Ева?
Вот яблоко тебе»

– А это вкусно?

– Да.

И, друга повстречав, с ним яблоко разделит.
И рай в последний раз для них постель постелет,
И выведет из врат, и отошлёт в стада.

Без названия

В ту ночь мне снилось многое, хотя
И блазнилось, что я не спал нисколько.
Любовницы во тьме желтела долька,
И вся она была как бы дитя,
Уже чуть, правда, тронута морозцем
Девичества (наверное, к слезам...)
А снился мне суровый Джугашвили
У гроба Лили Брик. Она в цветах
Лежала, как красивая молодка,
И щебетала что-то на французском.
Но я расслышал только «силь ву пле».
Ещё во сне меня томила жажда,
Подташнивало. Матерно шурша,
Московская вокруг роилась пьянь.
Из всех щелей ползли стихи, как змеи,
Разрубленные диким топором.
Всем этим управлял вальяжный малый,
Мраморноватый. На причинном месте
Подрагивал присохший сельдерей.
Да это ж Алексей Толстой! Окстился
Я, вспомнив басню Лёна. Ночь была
Насыщена литературной гнусью,
И в нос шибал чудовищный миазм.
О, Господи! – я повторял во сне,
Спаси меня... – но не было ответа.

Так в помрачении горьком, я страдал,
Растекшись по дивану, как Россия.
С Кавказа жгло, с Таймыра бил мороз,
Мозги засасывало Петербургом,
А где-то в отдалении, вроде Вены
Сосал из сердца нежный скорпион.
«Жизнь кончена...», – с тоской подумал я,
Привычно ошибаясь. Рядом плавал
Покойник, колыхая сединой,
И снегом мне виски запорошило
(столь многая была во мне печаль).
Давненько я не читывал Кулона, —
Свербила мысль, но кто он – я не знал.
(Ночная книга с женщиною схожа,
Любимой и таинственной. Она
В любви страшна, дика и неопрятна.)

Однако тошнота совсем прошла,
Пейзаж сменился новым, и погода
Менялась тоже к лучшему...
И вот
Из пелены лиловых облаков,
Пробившийся в каком
то главном месте,
Ударил луч решительного света.
И тут я успокоился, поняв,
Что ВСЁ УЖЕ В ПОРЯДКЕ. Этот луч,
Казалось мне, собою замыкал

Какое-то ТВОРЯЩЕЕСЯ действие,
И мощно сообразен был со всем,
Что было, есть и будет... Но чему
Нет имени в языках человеческих

«У сплошной воды солёной на краю...»

Виктору Гурьеву

У сплошной воды солёной на краю
Я стою – смотрю, смотрю себе, – стою.

Заневестило рассветом небеса,
Показались при этом паруса.

Что мне ждать – гадать, чего мне ждать – гадать?
Век бы жить у моря – горя не видеть.

С моря – рыбку, да хибарку из досок.
А наскучит – так потуже поясок,

Да и посуху с удобным посошком...
А не то ещё – в колонне с вещмешком...

Словно дождь, по перепонкам ... голоса...
Глянул вдаль – они пропали, паруса.

Вот ходит – бродит длинноносый Гоголь

Вот ходит – бродит длинноносый Гоголь
И думает неумолимо: Что б
Заколотить в дремучий русский лоб,
В печёнку, в душу – веру в Беса, в Бога ль?..
Того не зная: Пишутся без нас
«Гостиный двор», «Проспект», промежду делом.
Литература.....
Попахивает чем-то оголтелым
Её натура.....

Вот бродит он, Творец, в чернилах, грязен...
Грызёт перо. Карман его с дырой.
И мыслит, мол, любви его герой
Как за двоих – и скромн и развязен!
Им без меня – он думает – тепло,
И даже сладко.....
И трепыхалась, будто бы крыло,
Его крылатка.....

И я ходил, по Невскому гулял...
И взор острил, и никого не встретил,
И призраками родственными бредил,
Крылаткой, как кудрями, шевеля.

Во мраке «ПИВО – РАКИ», за бутылкой
Точил тоску, и капала слеза,
Где Муза деревянною кобылкой
Счастливо улыбалась мне в глаза.

«Голубой ангел» Марка Шагала

Он вышел из стены, над стопкой книг
И в комнате, пока ещё размыто,
Означился. Не мал, и не велик.
Я спал, и дверь на ключ была закрыта.

Зато всю распахнуто окно,
И голубое реяло в проёме,
Как занавес из тюля.
Надо мной
Луна, как стриж, ныряла в окоёме.

Я спал. На ключ была закрыта дверь
Границей сна и яви. И при этом,
Знакомый не по этой жизни, зверь
Воздушно наклонялся над букетом.

И было видно в световой кайме
Белёсых крыл, как, начинаясь в доме,
Усталый мир в трёхлунной синеве
Слоился, пропадая на изломе.

Но, убывая в реющий разлом,
И растворясь уже почти в эфире
Он всё ещё стрелял в меня крылом,
Хоть я и спал, и ночь была в квартире.

Так, сон во сне оборотив судьбой,
Он канул в горних бледной струйкой пара...
Всего лишь только
АНГЕЛ ГОЛУБОЙ
Трудом
Искусств Изящных Комиссара.¹

¹ Именно так по некоторым источникам называлась должность Шагала в период работы в Витебске после возвращения из Петрограда.

“Здравствуйте, господин Гоген”

Поля Гогена

С давно знакомых эрмитажных стен,
Чей облик детской памятью продлился,
Явился мне однажды Поль Гоген,
И глаз впервые цветом утолился.
Живых венков лучистые глаза,
Точившие сильнее с каждым разом
Пространство, что художник показал,
Как жидкость, притворившуюся газом,
В меня несли гогеновский обман
До той поры, как вопреки программе,
Неяркий холст в американской раме
Сказал: «Прощайте, господин Ханан!»

Это вспоминается

Вошёл и двери затворил
И ты со мной вошла
Свидетель если и парил
То пообжѐг крыла
Земля в томленьи и стыде
Была как мы гола
И где казалось плыть звезде
Там лампочка плыла
Но было в этой густоте
Прозрачней чем в раю
И пали яблоки как те
На голову мою
А я не чувствовал, но знал,
Не знал, но видел сон
А сон светлея вспоминал
И распадался он
И свет вставал рождая блеск.
И блеск кричал упав
А на икону капал воск
И затекал в рукав
Тогда удвоились глаза
И отделили тьму
И если плавилась слеза
То не узнать кому
И обезлюбленная даль

Под баюшки-баю
Как кровля, падала в печаль
На голову мою

Белая ночь

Белого цвета ночь. Белого город Андрея.
Г. Петербург! – хамская власть.
В камень бы лечь. Горло бы рвать, зверя,
В небо глухое пасть.

Кто-то поймал мотор. Скрип пробежал по коже.
Зелёный глазок погас, всё пронеслось.
Друже, куда летишь? Там, впереди, всё то же...
Время оборвалось...

Городские строфы

Набегаёт река, облизнёт запотевший гранит.
Канет в воду звезда, и вода её свет сохранит.
Крикнет сирая чайка и резко над шпилем блеснёт.
Горько пахнет в ночи на камнях проступающий йод.

Этот камень – асфальт, как холодный и вымерший наст.
Он ни йода на рану, ни прохлады своей не отдаст.
Обо всём позабыл, безмятежно скрипит под ногой.
Воздух густо напоен сырым стеарином, цингой.

В этом городе ночь, как в заброшенном кладбище день.
Здесь у каждых ворот сторожит остроглазая тень.
Здесь нам жить и стареть, отмечая потерями дни.
И у кариатид что ни день прибывает родни.

Как распахнуты рты! – словно каменным хочется петь.
Намечалась заря – да заря опоздала успеть.
Золочённый кораблик равнодушно пасёт пустоту.
Стынет камень. Темнеет. На каждом кресте по Христу.

«Мой дом открыт для вас, монголы!..»

Мой дом открыт для вас, монголы!
Я в будущем себя провижу
Расхожим сборником цитатным.
Смешного книжного народа
Червей бумажных... Что за школа!
Всё, что случается когда-то,

Вы видели вперёд, монголы!
...Вот голова лежит на блюде...
О чём задумалась охрана?
Замучен ревностью правитель.
Но вот спускается с экрана
Спасатель нации – Спаситель
С монгольской редкой бородой...

На смерть поэта

Он, конечно, хотел, как лучше...
Словом, женщина или случай.
Важно: умер, сказав «умру».
И сомнительнейшего из homo
Хоронили не без месткома,
Стыли лысины на ветру.

Было ветрено и погано.
По подсказке из Мичигана
Ожидали большой мороз.
...Подменили казённым «ахом»...
Сам, пристойность храня, не пах он.
Словом, дело велось всерьёз.

Слушал речи, порой смакуя,
Как сменяли одна другую.
В промежутках даже кивал.
По привычке следил за стилем:
«Говорим, как верёвку мылим!
Сам, припомнить, так же певал...»

Был талантливый – слыл евреем.
Щёлкал ямбом, свистал хореем,
Гонорары носил в ларёк.
Были женщины, боль, и пьянь же...

Рано умер, а надо б раньше:
Может, душу тогда б сберёг...

«Поджигатели ржаной соломы...»

Поджигатели ржаной соломы,
Нищенских трагедий игроки,
Что-то ваши бороды солёны,
Что-то ваши головы горьки!
К той пустой земле прикинув ухом —
Пустота и больше ничего —
Я скажу немного старухам,
Старикам и вовсе ничего.
Я стою на паперти в Сибири,
Ваших душ считая медяки.
У каких весов такие гири:
Кровь да слёзы, пот да черепки?
Поджигали рожь – сторело семя.
До нутра, быть может, самого...
Я прошу: «О чём бормочешь, время?»
Пустота – и больше ничего.
Ваше время нынче «время оно»,
Ваши лица глазу не видны.
Монотонны ночи фараона,
Тощие замученные сны.
Крестоносцы самой главной силы,
Самой верной крестники руки.
О, какие корневые жилы
Вы во мне задели, кулаки!

Повесть

Кружит коричневым побегом
Дорога. Времени в обрез.
Кулак братается с обрезом.
Кусты бросаются с обрыва
И возвращаются, вспотев.
И света долгий выключатель —
Кровавый пенится закат.
Во двор, забором зарифмован,
Заходит кроткая река.

«Как все округло в Божьем мире...» —
Бормочет праведник во сне.
Вот, наподобие цифири,
Игла играет на сосне.
Вот примостившийся к обреза
Кулак вскипает на врага.
Тропа проходит по железу,
Такая скучная она.
А может быть – и не по Фрейду
Она таинственно живет.
От ненависти фиолетов,
Простой парнишка-комсомолец
Выходит биться на живот.
Трясутся скорбно сосны, ёлки.
На нем буденовка до пят.

Заката острые осколки
На груди его горят.

«При нахождении лица...»

При нахождении лица
Любимого – в районе дальней
Туманности, из окон спальни
В полёт влечёт и мудреца.

Хотя бы даже бельэтаж
Вносил иронию в стремление,
Смутить полётом население
С детьми гуляющих мамаш.

Полёт – влечёт! Тем самым связь,
Подчёркнутая рифмой точной,
Потенциал имеет прочный,
В бессрочный умысел клонясь.

С чем нам и должно, стало быть,
Считаться, чтоб, когда припёрло,
В районе вены или горла
С опасной бритвой не шутить.

«Мне вспомнились набоковские НЕТКИ...»

М.Т.

Мне вспомнились набоковские НЕТКИ.
– Давай играть! – Что, подобрал стекло,
Увидишь ты? Я вижу птицу в клетке
Уснувшую. Ну, что ж, куда ни шло...

Смешно сказать, но в целом марте ветки
Я не нашёл цветущей. Как назло
Стояла стынь. Просветы были редки.
Твой утлый след туманом замело.

«Гуляя вечером по стенке вертикальной...»

Гуляя вечером по стенке вертикальной,
Я часто видывал стези маниакальной
Зацепки, трещинки, вокруг бездны неживой,
Какие-то холмы, поросшие травой, —
Все направляло взгляд к оценке беспокойной,
Как фотография картинки непристойной.
Но я не мог бежать: спецификой стены
Попытки были все мои обречены.

Однажды видел я Зевесовы пейзажи,
Которые текли, как летние миражи,
Не распадаясь: в них часть с частью скреплена
Была не хуже, чем с фундаментом стена.
Виднелся Парфенон. От храмового входа
Я вдруг услышал: “Зевс сорокового года”²
И некий диск взлетел над бездною крутой,
И вышли странники процессией густой.

Потертости лица запомнились мне сразу,
Потом и так, и сяк вертел я эту фразу,
Пытаясь в ней найти определенный смысл,

² На самом деле прозвучало «пятидесятого».

И разум попытать символическою числ.
Но ускользала нить как будто диск над бездной,
Я время пожалел для траты бесполезной,
Поскольку все равно процессия ушла,
А черная волна остатки унесла.

Подумав не про то, я обнаружил это:
Любой жилой пейзаж имеет лишь два цвета.
А это главное. Покуда на стене
Зацепки, трещинки... И зрячему извне
Все явственно: река, как бы поселок дачный,
Где я искал Марину в тьме чердачной,
Но не нашел. И шустрые зверьки
Мне кровью жертвенной забрызгали зрачки.

Дурак

Он жил, как будто в первый раз,
И песни пел, дурак.
И глупо жмурил левый глаз
Без смысла, просто так.

Работал больше по ночам,
Не слишком часто ел.
Поскольку денег получать
Помногу не умел.

Ничем таким не дорожил,
Ушла его жена.
И вообще – зачем он жил,
Не знал он ни хрена.

Причем, не только он не знал —
Никто не знал нигде.
О чем получен был сигнал
В войсках НКВД.

Ему сказали: «Как же так?!»
Те, что пришли к нему.
И уж на что он был дурак,
А понял, что к чему.

Когда российская верста

Его ушибла в лоб...

Вот так и вышло: «Тра-та-та...

И тра-та-та и гроб».

«Уговори меня забыть...»

Уговори меня забыть...
Как мышь, число произрастает.
В краю полей нетопыри
Приходят в гости к нам друзьями.
Приносят спящее вино,
И огурец влекут солёный.
Судьба, ты с ними заодно
Пьёшь из железного стакана!
От тёмной ласки я вставал,
И городом бродил, который
Бывал теплее одеял,
Но только в детстве... Боже правый,
Куда я детство потерял?!

Уговори меня заснуть,
Где ворон связывает сети
Сибирской воли, пустоты
Пропахших водкою плацдармов.
Взамен убитых командармов
Командуешь, пространство, ты!
Мы не диковинные дети,
А просто спящие мечты.

И много ль толку в речке Лете
И жизни подпола внутри

В друзьях любезных, в Боре, в Пете?

Когда приходят на рассвете,

Ты катехизис повтори.

Расставь водяру, стопари.

У малых сих простится кража.

Ты думаешь: вот Петя, Саша...

А это всё – нетопыри

«Ах, угличский лагерь пионерский!..»

Л. К.

Ах, угличский лагерь пионерский!
По вшивости суровой косы стригли,
И оловянную волну катила Волга
Над головой младенца Одиссея.
Играли в игры – воровали знамя...
Я не пойму, что делается с нами?
Кто нищенкой щелястого забора
Крадётся вдоль – по луковку в тени,
Какой-то пересыпана перловкой...
Где Эверест на самодельных лыжах?
Подушечки продмага заводского!
Друг трижды падал с лестницы – и выжил,
Потом разбился... Где найду такого?
Ещё цыган сплавляли вниз на баржах,
И по лесам казаковали зайцы.
...Ах, Ларка – одноклассница! – какая
По счёту вечность между нами отпылила?
Где долю мыкаешь? – Судьба у нас благая.
Но детство было истинно счастливым.

Портрет

Затем, что на портрете вглубь холста
Направлена художником улыбка,
Просмотрим отвлечённые места,
Чтоб выявить тайник, куда душа труда
Скрывается, поёживаясь зябко.

Художник, мастерство завожовив,
Угаданным приёмом, озаботил
Материал – а тот и окружил
Себя границей, то есть услужил
Не столько кисти мэтра, сколь, напротив,
Врагу её – холсту...
В итоге же портрет,
Сооруженье как сторожевое,
Заживши, неприступен. Смысловое
Упрятано. И, только взгляд удвоя,
Ты в нём увидишь то, чему названья нет.

Кто автор автора? С начала до конца
Перетряхнув пришедшее к событию,
Ремесленника выявишь, птенца,
Который слышит голос без лица
И матерьял формует по наитью.

Он матерьял формует по наитью...

Скажи, творец творца, как смело ремесло
Так выродиться, что себя переросло
И вещью выпало, приравненной к событию?

Он мастер или нет – кто, выманив, сумел
Присвоить чуждое, украсить по родному
Те грани горнего, где углю равен мел,
А доброе тождественно дурному?
Где кисть тончайшая доверена слепцу,
А если льётся звук – то лишь в немые губы.
Суть видимых вещей – раструб. А все раструбы
Увы, безвыходны... О, слёзы по лицу!

«У брони торжественного танка...»

М.

У брони торжественного танка,
На краю болотных степи
Я тебя приветствую, гражданка,
Итальянка, Знать, Петербуржанка —
До другого слова дотерпи.

Мне и то ведь много, как в печурке
Сонно бормотали по ночам
Уголья. Уж вы полешки-чурки!
Лень вставать... А то сыграем в жмурки,
И уедем в Углич невзначай.

Как, бывало, на санях под гору
Вылетал на деревянный мост!
То-то было смеху, разговору,
Колокольно – галочьего ору,
Звону колокольного – до звезд!

За мои дошкольные сугробы,
Китаянка по разрезу глаз,
Поедим крутой домашней сдобы,
Выпьем водки, и добавим, чтобы
Это было не в последний раз.

Подберем по возрасту подарки,
Колокольчик купим, волчий клык...
У иконы выставим огарки.
Это здесь когда
то по запарке
Колоколу вырвали язык.

Сколько я забыл за эти годы
Суеты в подручных у молвы:
Запах трав, волну с налетом соды,
Но зачем
то помню, как подводы
Провожали тело до Москвы.

Что мы знаем о судьбе угодной?
О любви? – колодезную жуть...
Голос крови, нежностью голодный...
Будь он проклят, этот рай болотный!
Мы одни. Нас двое. Как-нибудь...

«Проходящая дождь, по моим тротуарам прошла ты...»

М.

Проходящая дождь, по моим тротуарам прошла ты
Так осмысленно жестко, что мозг на сравнения пуст.
Я не горькая степь, не пустыня, но тот виноватый
Всем богам ученик, осквернитель того, что из уст...

Проходящая – ты – по казенному гиблому телу
Отпечалила след – босоногая, не позабудь
Дом-могилу в Тригорском, последнюю нашу квартиру,
Где скрипела кровать, точно этим Судьбу отпугнуть...

Навостри-ка бельмо, оглядись, осознай, что случилось,
Умозрительный практик с пустым канделябром в руке:
Ту недужную малость лелею сегодня, как милость
Богоданного знания в его неземном холодке.

У зарытого солнца не спросишь о помощи срочной
Для мгновенного вымаха – даже пускай не крыла...
Я застигнут, как степь... Отпусти мне на встрече заочной
То, что раньше простить не умела, а знать не могла.

Как ты, нежная, выжила... Дождь, проходящая мимо...

Всё слабее доносится твой завлекающий зов.
Если страсти не выплыть туда, где пространство незримо,
Значит, даже утопленник не начинает с азов.

Возвращенный дышать – я сознательно глух к
перекличке
Созидающих умников, вслух говорящих птенцов...
У кирпичной стены отвлеченные чиркаю спички,
От закатного ветра полой укрывая лицо.

«Яблоко осени желто-зеленой...»

М.Г.

Яблоко осени желто-зеленой
Падает вверх, вопреки
Доле своей и землеце влюбленной...
Если бы нам в мотыльки!

Как я любил это пламя сухое
С добрым сердечком во рту,
Ежевечерний туман над рекою,
Вещего зренья тщету!

Кто разбудил эту синюю крону?
Скажешь, а я повторю.
Над колокольной, где ласточки тонут,
Светлую вижу зарю.

Сонное озеро плещется в чаше,
Нежит в закатной крови...
Не говори мне о доле пропащей,
Если она по любви.

Разве не так же тоскует о Боге
Маленьких племя свечей?
Как человек, обреченный тревоге,

Как бы я выжил – ничей?!

... В тоненьких крылышках, в лапках прижатых
Угловое тело неся,
Падают яблоки. Ни удержать их,
Ни задержать их нельзя.

Воспоминания в Териоках

Желдоровский поселок дач
Зеленогорск тоска
И я не плачь и ты не плачь
влачи легко пока

свинцом и содой свет стоит
острей ножей края
и ледяным лучом летит
улыбочка моя

К твоим губам моя душа
Летит в слезах спеша
Так трудно без тебя дышать

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.